

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-107-114>

ПЕРЦЕПТИВНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК СИТУАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКОВ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ДВА ЦАРСТВА», «РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ», «ЧЕРНАЯ БАБОЧКА»)

Маргарита Аюшеевна Криволицкая

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
felicita47@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Одним из основных семантических признаков ситуации состояния является перцептивность, которая может выступать в тексте как самостоятельная событийная пропозиция, так и в качестве одной из характеристик эмоционального состояния. Наличие признака «перцептивность» в художественном произведении позволяет разграничить типы субъектов восприятия, ключевым из которых является повествователь (наблюдатель).

Цель исследования – определить связь признака «перцептивность» и ключевых дифференциально-семантических признаков состояния и влияния на семантику высказывания в целом. В задачи исследования входит анализ образов чувственного восприятия.

Материал и методы. Материалом исследования послужили рассказы Л. Петрушевской из сборников «Два царства», «Рассказы о любви», «Черная бабочка». Выделено более 800 высказываний с семантикой эмоционального состояния.

В работе применяется метод научного описания, включающий сбор материала, наблюдение и систематизацию, семантический анализ высказывания и лингвостилистический анализ текста.

Результаты и обсуждение. На основании анализа установлено, что признак «перцептивность» свойственен для большинства высказываний с семантикой эмоционального состояния. Основным субъектом восприятия в художественном тексте является повествователь (наблюдатель). Положение наблюдателя позволяет интерпретировать эмоциональное состояние как по внешним признакам (внешняя перцепция), так и по внутренним (внутренняя перцепция). В ситуации эмоционального состояния отмечена связь перцептивности с другими семантическими признаками. Восприятие соотносится с ключевыми свойствами субъекта состояния – инактивностью и неконтролируемостью. Отмечено влияние перцептивности на признаки предиката – длительность, статичность, локализованность на временной оси, а также на значение высказывания в целом.

Фрагментарный лингвостилистический анализ репрезентации восприятия в ситуации эмоционального состояния показал, что для понимания творчества Л. Петрушевской и характера персонажей необходимо исследовать понятия «состояние» и «восприятие» вместе.

Заключение. Признак перцептивности влияет на другие семантические качества, в том числе и на высказывание, репрезентирующее ситуацию эмоционального состояния. Репрезентация восприятия в рамках эмоционального состояния персонажей подчеркивает специфику творчества Л. Петрушевской.

Ключевые слова: семантика состояния, Петрушевская, эмоциональное состояние, перцептивность, семантический признак состояния

Для цитирования: Криволицкая М. А. Перцептивность как семантический признак ситуации эмоционального состояния (на примере сборников Л. Петрушевской «Два царства», «Рассказы о любви», «Черная бабочка») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 107–114. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-107-114>

PERCEPTIVITY AS A SEMANTIC SIGN OF THE EMOTIONAL STATE SITUATION (ON THE EXAMPLE OF THE COLLECTIONS BY L. PETRUSHEVSKAYA “TWO KINGDOMS”, “STORIES ABOUT LOVE”, “BLACK BUTTERFLY”)

Margarita A. Krivolitskaya

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, felicit47@yandex.ru

Abstract

Introduction. One of the main semantic features of a state situation is perceptivity, which can appear in the text as an independent event proposition, and as a property of an emotional state. The presence of a sign of perceptivity in

research of fiction makes it possible to distinguish between the types of subjects of perception, the key of which is the narrator (observer).

Aim and objectives. The main purpose is to determine the connection between the perceptual attribute and the key differential-semantic attributes of the state and the influence on the semantics of the statement as a whole. The tasks of the research include the analysis of images of sensory perception.

Material and methods. The material for the study was the stories of L. Petrushevskaya from the collections “Two Kingdoms”, “Stories about love”, “Black Butterfly”. More than 800 statements with the semantics of the emotional state are highlighted.

The work uses the method of scientific description, including the collection of material, observation and systematization, semantic analysis of the statement and linguistic analysis of the text.

Results and discussion. Based on the analysis, it was found that the perceptual sign is characteristic of most statements with the semantics of the emotional state. The main subject of perception in a literary text is the narrator (observer). The position of the observer makes it possible to interpret the emotional state both in terms of external signs (external perception) and internal (internal perception).

Conclusion. The perceptual feature affects other semantic features, including the statement that represents the situation of the emotional state. The representation of perception within the framework of an emotional state emphasizes the specificity of L. Petrushevskaya’s work.

Keywords: *semantics of the state, Petrushevskaya, emotional states, perceptivity, semantic attribute of the state*

For citation: Krivolutskaya M. A. Perseptivnost’ kak semanticheskiy priznak situatsii emotsional’nogo sostoyaniya (na primere sbornikov L. Petrushevskoy “Dva tsarstva”, “Rasskazy o lyubvi”, “Chyornaya babochka” [Perceptivity as a Semantic Sign of the Emotional State Situation (On the Example of the Collections by L. Petrushevskaya “Two Kingdoms”, “Stories about Love”, “Black Butterfly”)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 107–114 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-107-114>

Введение

Творчество Л. Петрушевской – сложное и необычное явление в русской литературе. В поле зрения автора находятся преимущественно мир людей, «униженных и оскорбленных», и их жизненные перипетии. Несмотря на ассоциирование творчества писательницы с натурализмом – тщательным описанием физиологии, человеческого тела, быта и прочих моментов в духе натуралистского дискурса, в ее произведениях прочитывается и чувственная сторона – герои испытывают сильные эмоции, остро переживают проблемы и часто пребывают в состоянии внутреннего конфликта. Если вопрос физиологии освещен в трудах Т. Н. Марковой, а связь натурализма и сентиментализма исследуется Т. Г. Прохоровой, то репрезентация эмоциональной сферы в малой прозе Л. Петрушевской остается малоизученной [1, 2]. «Парадокс, но для Петрушевской как живописца обыденного существования проблема *плоти*, источника чувственного опыта, прибежища инстинктов, отнюдь не в центре внимания. Телесность физиологическая не является ключом к познанию человека, поскольку тема Петрушевской – судьба чуткой *души* в жестоком мире» [3, с. 48]. Малоизученность чувственной сферы и внутренней жизни героев малой прозы является одной из основных причин, указывающих на актуальность темы исследования.

Анализ семантики состояния позволяет выявить наиболее характерные типы эмоций для творчества писательницы и определить основные семантические признаки ситуации эмоционально-

го состояния. «Классическая» модель ситуации эмоционального состояния (ЭС) одноактантна – состоит из субъекта (носителя состояния) и предиката [4]. В высказываниях, репрезентирующих ЭС, наравне с носителем состояния вычленяют *причину* (эксплицированную или неэксплицированную), в таком случае ситуация ЭС становится двухактантной [5]. В работе эмоциональное состояние определяется как отражение конкретной чувственной/эмоциональной ситуации, обладающей признаками инактивности субъекта, неконтролируемости, статичности, локализованности на временной оси и перцептивности [6].

В лингвистике принято считать, что фундаментальными признаками ЭС являются *статичность* и *инактивность*, так как они характеризуют основные компоненты – предикат и субъект. Подробное описание предиката и исследование таких признаков, как *статичность*, *длительность* и *локализованность на временной оси*, представлено в трудах Г. А. Золотовой, О. Н. Селиверстовой, А. А. Зализняк и др. [6–8]. Проблематика *инактивности субъекта* и *неконтролируемости ситуации* освещена в меньшей степени, возможно, ввиду того что предикат располагает основной информацией о субъекте и является центром любого высказывания.

И. П. Матханова наряду с ключевыми семантическими признаками состояния выделяет перцептивность, объясняя это тем, что перцептивность связана с другими качествами ЭС. К примеру, перцептивность соотносится с длительностью: при

отсутствии внешних показателей длительность состояния равна периоду восприятия. «Перцептивность связана с позицией наблюдателя, реального или условного, задающего пространственно-временные ориентиры события, тип субъекта действия/состояния, частные характеристики действия» [9, с. 61]. По мнению исследователя, этот признак не влияет на трансформацию значения высказывания, поэтому его нельзя отнести к базовым, но именно перцептивность или ее отсутствие задает другие изменения в семантике высказывания.

Несколько иной подход в изучении семантики перцептивности предлагает Е. М. Вольф, выделяя данный признак как особую модальную рамку – «рамку наблюдения». Субъект, предикат и причина, входящие в структуру ЭС, могут быть включены в модальную рамку «второго порядка», куда входят субъект-наблюдатель и предикат наблюдения (чувственный предикат) [10]. Автором выделены два типа взаимосвязи субъекта-наблюдателя и обозначения ЭС. В первом случае наблюдатель интерпретирует ЭС субъекта как бы изнутри, тогда происходит совмещение с ЭС. Во второй ситуации воспринятое наблюдателем через внешние проявления ЭС субъекта отражает его субъективное мнение [10, с. 74].

Более детально рассмотрено восприятие в ситуации ЭС в работе С. Я. Пименовой, посвященной анализу предложений с семантикой ЭС как проявлению различных типов восприятия [11]. На основании анализа исследователь выделяет два типа восприятия: первый тип восприятия отстраненный, рассудочный, второй тип в отличие от первого базируется на эмоциях – чувствительный, характерный для раннего этапа развития человечества. Структура и тип предложения, особенности субъекта, форма субъекта, сознание и позиция воспринимающего, эволюция восприятия от соучастного типа к рациональному – все это необходимо учитывать при анализе восприятия в ситуации ЭС.

Исследование перцептивности в рамках ЭС реализуется в разных направлениях лингвистики, что подтверждает актуальность данной темы и необходимость учитывать роль восприятия в репрезентации ЭС.

Механизм работы восприятия и состояния основывается на «первичности» восприятия даже в случае его невыраженности: субъект сначала воспринимает объект, затем следует его реакция. Однако, как утверждает К. Изард, существует обратное, эмоции могут исказить восприятие: «Эмоции непосредственным образом влияют на процесс восприятия, они фильтруют и модифицируют сенсорную информацию, поступающую в сознание от рецепторов» [12, с. 84].

Цель представленного исследования – выявить связь перцептивности с другими семантическими признаками эмоционального состояния, проанализировать точки пересечения состояния и восприятия и описать индивидуально-авторские способы создания чувственных образов, формирующих семантическую структуру художественного произведения.

Материал и методы

Материалом для анализа послужили высказывания, описывающие эмоциональное состояние персонажей в сборниках «Черная бабочка», «Рассказы о любви» и «Два царства». В результате было выделено более 800 высказываний с семантикой эмоционального состояния. Исследование внутренней жизни личности персонажа на примере современной прозы позволяет расширить представление о специфике репрезентации семантики состояния и восприятия в художественном произведении.

В исследовании используются следующие методы и приемы: описание, прием сплошной выборки, метод статистических подсчетов, метод лингвистического анализа, включающий контекстный анализ языковых единиц.

Результаты и обсуждение

В высказывании семантика восприятия представлена как самостоятельная событийная пропозиция: *Как зачарованный **смотрел** все подряд, делая живые замечания* («Ребенок Тамары»). Или как семантический признак событийных пропозиций без специальных средств выражения – *И она, выведенная из себя, испуганная **до дрожи**, стала в голос кричать, что грабят, убивают, приподнялась верхней половиной тела и изо всей силы стукнула виском о стену* («Кукла»). В первом примере пропозиция восприятия и пропозиция состояния совмещены – субъект состояния является и субъектом восприятия. Совершенно другая картина во втором высказывании, в нем отражается ситуация, воспринимаемая наблюдателем, который находится за пределами высказывания – «за кадром». В этом варианте «восприятие выступает не как содержание высказывания, а как ориентир, точка отсчета, что отвечает психологическим особенностям этого феномена, который является не только «целостным отражением предметов, ситуаций и событий», но и «обеспечивает непосредственно-чувственную ориентировку в окружающем мире» [9, с. 114–115].

Г. И. Кустова разграничивает два типа субъектов восприятия – «эксперимент» и «наблюдатель» [5]. Первый тип входит в семантическую структуру высказывания, тогда как второй занимает позицию

наблюдателя. Отличие «закадрового» субъекта заключается в его «объективном» (не от 1-го лица) дистанцированном описании ситуации.

В фокусе исследования находятся высказывания с невыраженным субъектом восприятия. Во-первых, это обусловлено их количественным преобладанием в отобранном материале, во-вторых, данный вид выражений характеризуется особым модусом восприятия – когда нет существенных границ между восприятием и состоянием, и, в-третьих, позицией наблюдателя в художественном произведении – «всеведущим» повествователем, обладающим «неограниченными» возможностями восприятия и своей пространственно-временной логикой.

В большинстве случаев вербализация ЭС происходит за счет описания внешнего проявления эмоций: *Глаза ее при этом сияли сквозь толстые очки* («Мост Ватерлоо»); *Это у старушки была улыбка радости, не иначе* («Как Пенелопа»). Либо рассказчик «чувствует» изнутри переживания персонажа: *Однако червь отчаяния начал глотать ее уже ночью* («По дороге бога Эроса»); *Сердце ее билось, во рту пересохло, в горле саднило* («Фонарик»). Приведенные примеры дают возможность разграничить внешний и внутренний субъект восприятия. Внутренний перцептор претендует на достоверность и истинность изложения ЭС субъекта, становясь, таким образом, выше по «рангу». Восприятие по внешним маркерам актуализируется за счет предположений (логическая пропозиция): *Так многозначительно она сказала на прощание и быстро пошла, видимо, опасаясь справедливого и язвительного ответа относительно того, кому еще может понадобиться срочное лечение – и этот ответ последовал* («Круги по воде»). Скорость действий субъекта *быстро пошла* и вводное слово *видимо* демонстрируют умозаключение и предположение наблюдателя о желании персонажа избежать конфликта.

Несмотря на то что человек обладает всеми чувствами восприятия (зрительное, слуховое, тактильное, вкусовое, обонятельное), однако он ограничен в своих возможностях – в реальном времени он чувствует/осознает лишь некоторые фрагменты действительности. В отличие от реального человека в художественном тексте субъект восприятия «всеобъемлющий» и не знающий границ: *А Мулява безутешен, прижимается, ищет спасения, пытается радоваться, его благородное лицо меркнет, гаснет, растворяется в сумерках...* («Бессильные руки»). Описание субъекта состояния передается многочисленными глаголами и кратким прилагательным – *безутешен, прижимается, ищет, пытается радоваться, меркнет, гаснет, растворяется*, что придает тексту динамичность. В то же

время смена эмоций героя показывает длительность и непрерывность наблюдения повествователем, который не ограничен временными рамками и способен оценить изнутри ощущения. Также в некоторых случаях наблюдатель наделен возможностью одномоментно видеть проявление эмоций персонажей, испытывать их переживания или вкусовые ощущения: *Из соседней комнаты вдруг так чудесно запахло, что у Сергея Ивановича заболело под щеками и выступила слеза* («Вольфганговна и Сергей Иванович»); *Лина очень удивилась, увидев, что сидит рядом с Васей и тем более пьет какое-то легкое, искрящееся вино из бокала* («Два царства»).

В высказываниях прослеживается связь семантики восприятия и состояния: именно с позиции наблюдателя заметна неконтролируемость субъектом своих эмоций. Многие исследователи отождествляют признаки «инактивности» и «неконтролируемости» ввиду того, что субъект – это прежде всего носитель состояния. Тем не менее главное отличие неконтролируемости ЭС заключается в отсутствии контроля искренних чувств: *Мужик переместился, минуя Р., встал над парнем, схватился двумя руками за поперечину над собой, почти повис, а потом с силой, злобно, раза три грянул по поручню кулаком* («Глазки»). Наблюдаемая ситуация показывает, что истинные чувства не подвластны рациональному; так, герой, не справившись со своими чувствами, проявляет свою злость.

В тексте экспрессивные эмоции зачастую выражаются через действия (*оцепенело стоит*), повышение голоса (*воля в полный голос*), изменения во внешности (*Неожиданно Пульхерия покраснела*), мимику (*кривляясь и хохоча*), которые являются объектом восприятия для наблюдателя (повествователя, другого персонажа). Момент контроля над эмоциями в рассказах встречается редко, за исключением, когда персонажи изображают состояние других: *...подруги ласково над ней хихикали, изображая эту семенящую походку и озабоченный вид* («Как женщины много знают»). Таким образом, в художественном тексте «глазами» наблюдателя актуализируется признак «неконтролируемость субъектом эмоций». При этом восприятие преимущественно выражается через лексическое значение предиката или слова категории состояния – *Она испугалась, было уже поздно и темно, никого вокруг, только этот пучок света, который приближался по тропинке* («Фонарик»).

Важно отметить взаимодействие перцептивности с признаками «длительность» и «временная дискретность» (локализация на временной оси). Как было подчеркнуто ранее, в художественном

тексте признак «перцептивность» создает пространственно-временное поле героев.

Для начала обратимся к влиянию восприятия на временную дискретность и на семантику состояния в целом. На основании признака временной дискретности разграничиваются эмоциональное отношение и эмоциональное состояние [9]. В высказывании *Дети его любили и боялись* («Вольфганговна и Сергей Иванович») выражается отношение к субъекту в отличие от следующего высказывания, где присутствующий признак перцептивности и предикат *боялся* передают состояние персонажа – *Мина не мог спать, боялся криков за стеной и грохота в дверь и убрался с первым поездом метро* («Дайте мне ее»). Слова *спать* и *с первым поездом метро* во втором примере косвенно указывают на временной промежуток, с которым соотносено состояние субъекта.

Признак «длительность ЭС» также тесно связан с перцептивностью. Основным критерием соотношения является период, когда длительность и восприятие совпадают. В таком случае выделяют два варианта реализации:

а) сема перцептивности содержится в лексическом значении предиката: *Да, Владик печален теперь, видно, что он задет, как-то ранен, он загрустил, он рассеян за столом и тоскливо поглядывает вправо, глаза какие-то растерянные, а густые брови сомкнуты на переносице* («Са и Со»); *Это было похоже на тревогу, на испуг, когда бывает, что вдруг что-то поймают на вранье* («Нагайна»);

б) внешне проявленные показатели длительности: *Клавычка замерла от страха на эти три дня* («Как Пенелопа»); *Ночью она ушла в мастерскую, до утра собиралась, плакала* («Предостережение Аник»).

Иногда длительность присутствует во фрагменте воспринимаемого момента: *Соня так и осталась стоять как прикованная к позорному столбу, а потом, зажав рот рукой, она кинулась вон, в детскую* («Продлись, мгновенье»). В таких случаях одно состояние сменяется другим. Также длительность может продолжаться непрерывно: *...Д. вообще все эти два месяца до ужаса стеснялась отца и мать, пребывающих за тонкой стенкой, они ни разу не ушли из дому...* («Лабиринт»). И. П. Матханова вслед за О. Н. Селиверстовой относит подобную длительность состояния во времени к непрерывной/прерывистой длительности, так как само ЭС ограничено определенным периодом восприятия, но состояние представлено таким образом, что оно будто длится в то время, когда оно переживается, но все обозначенное время [9, с. 122; 6].

Статичность – достаточно сложный признак в семантике ЭС. Его основное качество – отсутствие

процессности, для признака характерны именные предикаты (*стул деревянный, деревья зеленые*). Кроме этого, благодаря признаку статичности в состоянии не происходит изменений на протяжении определенного периода времени. При внешнем наблюдении субъект ЭС проявляет активность, а также возможны ситуации, когда одно состояние перетекает в другое, что противоречит статичности: *После чего совершенно подавленная мама была доставлена в ту квартиру, которая якобы находится в тихом центре, на самом деле это был район Автозаводской, но квартира оказалась с евроремонтом и кухонной мебелью, и мать с восторгом разглядывала эту чужеродную, какую-то иностранную обстановку, как из мексиканского сериала, ей понравилось буквально все, она замечтала о новой жизни без тряпья, хлама и гнутых кастрюль (блестящая посуда прилагалась к кухне, удар в цель)* («Дорога Д.»). В высказывании происходит смена пространства (вне квартиры – в квартире), в связи с этим видна перемена настроения (*подавленная – с восторгом*), субъект начинает активно действовать (*была доставлена – с восторгом разглядывала*). Отсюда следует, что не все высказывания с ЭС обладают признаком статичности.

При частном анализе первой ситуации (*совершенно подавленная мама была доставлена*) можно с уверенностью заявить, что это характерная ситуация ЭС, обладающая основными семантическими признаками статичности (*подавлена*), неконтролируемости (*была доставлена*), инактивности (*пассивность*).

Высказывания с внутренней перцепцией чаще характеризуются признаком «статичность». Состояние субъекта «фиксируется» на временной оси и только стороннее действие/давление может нарушить текущее состояние субъекта, что встречается довольно редко: *Чувствовалась полнейшая пустота во всем теле. Как будто что-то вынули изнутри. Какое-то наполнение. Он раньше сопротивлялся Нине, а тут стало некому. Оставили жить без смысла* («Богиня Парка»); *...Лайла что-то загрустила совершенно и все делала спустя рукава, что Мара воспринимала как печаль о пропавших родственниках и детях* («Лайла и Мара»). Показателями признака «статичность» в большей мере являются глаголы эмоционального состояния и ощущения (*злиться, тосковать, радоваться, грустить*). Данные высказывания обладают набором семантических признаков: инактивность субъекта, отсутствие точной локализованности на временной оси.

Проблема соотношения повествователя и субъекта восприятия в лингвистике является актуальной. Интерес к данной теме возник во второй

половине XX в. (1980-е гг.), актуальность сохраняются и в наше время. По мнению Е. В. Падучевой, в нарративном тексте рассказчик (говорящий) может выполнять разные семантические роли: субъекта речи, субъекта восприятия, субъекта сознания [13, с. 2]. В художественном тексте субъект восприятия (наблюдатель) выражается имплицитно и является вторичным эгоцентрическим субъектом. Перцептивный образ повествователя предстает как «исследовательский конструкт, который может быть рассмотрен в качестве аксиологического знака художественного мира конкретного автора (субъекта восприятия)» [14, с. 49]. Кроме того, рассказчик обладает самостоятельной позицией наблюдателя, он формирует собственное пространство, отражающее исключительно его видение и отношение к предмету восприятия. Так, повествователь через языковые средства выражает свою отстраненность или симпатию к разным персонажам и событиям.

В рассказах Л. Петрушевской при описании эмоций персонажа преобладают высказывания от третьего лица. Близость и соучастие рассказчика передаются через притяжательные местоимения: *Не помня себя от гнева, полная отворачивания и страдания, наша Дарья, забыв обо всем, ринулась на эту кухню...* («Порыв»); уменьшительно-ласкательную номинацию героев: *Клабочка плохо спала и стеснялась этого, неподвижно лежала у стенки...* («Как Пенелопа»); качественные прилагательные: *Все затопали, зашумели, радость и печаль пронзили бедную душу девушки* («Колыбельная птичьей родины») и др.

Повествователь – это не просто рассказчик, он всевидящий и сочувствующий спутник, наблюдение и интерпретация которого для читателя – истина. Его неограниченные перцептивные возможности показывают внутренний мир героев, причину их эмоций и раскрывают характеры.

Об отсутствии эмоционального контакта и большой дистанции между героями произведений свидетельствует небольшое количество предложений с чувственным восприятием друг друга: *Посмотрев на худых, изможденных Лайлу и Мару, он сказал с раздражением...* («Лайла и Мара»). Самоанализ героя и рассказ о своих ощущениях, скорее, является исключением: *Мне одной страшно* («По дороге бога Эроса»). Персонажи редко обращаются к собственному я, не рассуждают о причинах переживаний, предпочитая жить «по наитию».

Стиль повествования Петрушевской характеризуется «стилистическими диссонансами, эпатажирующими нарушениями литературного этикета», прерывистым слогом [15, с. 38]. Предложения могут состоять из одного слова или, наоборот, могут быть сложными, распространенными, осложнен-

ными конструкциями, уточнениями или однородными членами предложения. В осложненных высказываниях нередко происходит резкая смена позиции наблюдателя на восприятие одного персонажа другим: *Д., идя домой, поразила, никто ей не говорил никогда, что она стала красавицей, мать, наоборот, критически смотрела на Д. и была всегда недовольна ее ростом, дородностью и румянцем, кричала, что меньше есть надо булочек в институте, что сейчас не модно быть толстой, не нажирайся хоть на ночь, опять все конфеты уничтожила!* («Лабиринт»).

На основании анализа можно сделать вывод, что наиболее распространенным видом восприятия является зрительное восприятие (ЗВ). На это указывает наличие в тексте базовых глаголов со зрительной семантикой:

смотреть: ...смотрит на себя в попадающуюся по пути зеркала с изумлением («Предостережение Аник»);

видеть: ...Далила смертельно испугалась, что сейчас увидит его тело («Как цветок на заре»);

глядеть: Главный режиссер выглядел оскорбленным («Дайте мне ее»).

Неядерные глаголы с семантикой зрительного восприятия:

наблюдать: ...человеческая душа с восторгом наблюдала себя в центре мироздания («Два царства»);

замечать: И вдруг, поговорив и посмеявшись с Са, Со замечает, что хочет отбить Владика у Иры («Са и Со»);

показать: Начала им трясти, показывать мужу. Закричала («Кукла»).

Существительные *глаза, взгляд* также в сочетании с глаголами ЗВ влияют на интерпретацию ситуации ЭС: *Смотрела на него во все свои огромные глаза!* («Богиня Парка»); *...Валентин посмотрел на меня своим обычным тяжелым взглядом и отвел глаза* («Цитадель»). Квалификаторы *огромные* и *тяжелым*, выступающие в роли определений, привносят в ситуацию дополнительную эмоциональную тональность.

Также ситуация ЗВ представлена лексемой *видно*: *По силуэту было видно, что петух обомлел...* («Богиня Парка»).

Непредикативный способ изображения зрительного восприятия представлен: 1) существительными (соматизмами): *глаза (Глаза бабушки сияли), зрачки (свет ударил ей прямо в зрачки)*; 2) деепричастиями: *увидев (увидев, что занавеска на окне дрогнула), глядя (как бы глядя в темное стекло)*.

Состояние героя может передаваться и через соматизмы, когда описание части тела косвенно указывает на определенные эмоции: *Глаза взрос-*

лых стоят неподвижно; глаза какие-то растерянные.

Слуховое восприятие репрезентируется посредством базовых глаголов *слушать* (*слушал все эти рассказы*), *слышать* (*она тоже слышала*), приядерных (периферийных) глаголов *кричать* (*мать кричала в бессильной муке*), *заорать* (*заорала птичица*), *говорить* (*говорит и говорит*), *зашипеть* (*Оксана зашипела*), *визжать* (*громко, истошно визжал*), *хохотать* (*вопросительно хохочет*); деепричастий – *насвистывая* (*насвистывая, собирать телевизор*), *рыдая* (*рыдая, не мог пробраться*); существительных с семой «звук» – *крик* (*крик ребенка*), *стук* (*доносился стук*), *стон* (*со стоном счастья*), *звон* (*далекий звон струи*) и т. д.

Ситуации с тактильным восприятием (*иногда касались; почувствовала, что тряпки под ней шевелятся*), обонятельным восприятием (*слышит запах Самсона*) и вкусовым восприятием (*бутылку сладкой водки*) в рассказах обозначены значительно реже.

В прозе Л. Петрушевой присутствуют все виды восприятия: лидирующее положение по количеству занимает зрение, далее – слух, осязание и вкус. Высказывания с ситуацией ЭС и восприятия несут особую смысловую нагрузку, особенно в контекстах со зрительным восприятием. В них отражается тесная связь наблюдателя с персонажами и актуализируется семантика восприятия.

Заключение

Таким образом, семантический анализ высказываний и фрагментарный лингвостилистический анализ позволяют сделать вывод о том, что признак «перцептивность» тесно связан с основными признаками ситуации ЭС (неконтролируемость, длительность, временная дискретность, статичность). Перцептивность и статичность являются наиболее близкими признаками ЭС, так как совпадают по ряду параметров: инактивности субъекта – отсутствию активного действия и локализации на временной оси.

Разграничение на внутреннее и внешнее восприятие позволило определить семантический признак «перцептивность» в ситуации ЭС в качестве идиостилевой черты в творчестве Л. Петрушевой. В произведениях выделена линия повествователя-наблюдателя, тонко передающего чувства героев, причины переживаний и их взаимодействие с внешним миром.

Наиболее часто в рамках ЭС репрезентировано зрительное и слуховое восприятие. Зрительные образы играют важную роль в связи с авторской интенцией показать через физиологию человека и быт внутренний мир человека и убогость окружающего мира. Частое употребление слов *крик*, *кричать*, *закричать* (всего 46 словоупотреблений) актуализирует значимость слухового восприятия и репрезентирует семантику оценки ЭС.

Список литературы

1. Маркова Т. Н. Физиология и метафизика семейной жизни в рассказах Л. Петрушевой // Уральский филологический вестник. 2013. № 2. С. 88–98.
2. Прохорова Т. Г. О «сентиментальном натурализме» в прозе Л. Петрушевой // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Казань: изд-во КГУ, 2008. Т. 150, кн. 6. С. 77–87.
3. Плеханова И. И. Принципы художественной игры Петрушевой. М.: ФЛИНТА, 2019. 128 с.
4. Шмелёва Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994. 47 с.
5. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: ФЛИНТА, 2016. 468 с.
6. Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. 368 с.
7. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Азбуковник, 2004. 528 с.
8. Зализняк А. А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1992. 202 с.
9. Матханова И. П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 337 с.
10. Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представления в языке // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55–76.
11. Пименова С. Я. Предложения с семантикой эмоционального состояния как проявления различных типов восприятия в русском художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 22 с.
12. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. С. 84.
13. Падучева Е. В. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица: говорящий и наблюдатель. Электронный ресурс. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/slavisty_2008.pdf (дата обращения: 20.11.2021).
14. Крюкова Л. Б. Перцептивный строй поэтического текста: к вопросу о терминологическом аппарате исследования // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 47–54.
15. Маркова Т. Н. Поэтика повествования Л. Петрушевой // Русская речь. 2004. № 2. С. 37–44.

References

1. Markova T. N. Fiziologiya i metafizika semeynoy zhizni v rasskazakh L. Petrushevskoy [Physiology and metaphysics of family life in the stories of L. Petrushevskaya]. *Uralskiy filologicheskiy vestnik – Ural Journal of Philology*, 2013, no 2, pp. 88–98 (in Russian).
2. Prokhorova T. G. O “sentimental’nom naturalizme” v proze L. Petrushevskoy [About “sentimental naturalism” in the prose of L. Petrushevskaya]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2008, vol. 150, no. 6, pp. 77–87 (in Russian).
3. Plekhanova I. I. *Printsipy khudozhestvennoy igry Petrushevskoy* [Principles of the artistic game of Petrushevskaya]. Moscow, Flinta Publ., 2019. 128 p. (in Russian).
4. Shmeleva T. V. *Semanticheskiy sintaksis* [Semantic syntax]. Krasnoyarsk, 1994. 47 p. (in Russian).
5. Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived meanings and mechanisms of language expansion]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 468 p. (in Russian).
6. *Semanticheskiye tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Ed. O. N. Seliverstova. Moscow, Nauka Publ., 1982. 368 p. (in Russian).
7. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2004. 528 p. (in Russian).
8. Zaliznyak A. A. *Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya* [Research on the semantics of predicates of internal state]. Munich, Verlag Otto Sagner Publ., 1992. 202 p. (in Russian).
9. Matkhanova I. P. *Vyskazyvaniya s semantikoy sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke. Dis. dokt. filol. nauk* [Statements with the semantics of the state in the modern Russian language. Diss. doc. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2001. 337 p. (in Russian).
10. Vol’f E. M. *Emotsional’nyye sostoyaniya i ikh predstavleniya v yazyke* [Emotional states and their representations in language]. *Problemy intensional’nykh i pragmaticheskikh kontekstov* [Problems of intensional and pragmatic contexts]. Moscow, Nauka Publ., 1989. Pp. 55–76 (in Russian).
11. Pimenova S. Ya. *Predlozheniya s semantikoy emotsional’nogo sostoyaniya kak proyavleniya razlichnykh tipov vospriyatiya v russkom khudozhestvennom tekste. Avtoref. dis. kand. philol. nauk* [Sentences with the semantics of the emotional state as manifestations of various types of perception in the Russian literary text. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2007. 22 p. (in Russian).
12. Izard K. *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. Saint Petersburg, Piter Publ., 1999. P. 84 (in Russian).
13. Paducheva E. V. *Semanticheskiye yavleniya v vyskazyvaniyakh ot 1-go litsa: Govoryashchiy i nablyudatel’* [Semantic phenomena in statements from 1 type: Speaker and observer] (in Russian). URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/slavisty_2008.pdf (accessed 20 November 2021).
14. Kryukova L. B. *Pertseptivnyy stroy poeticheskogo teksta: k voprosu o terminologicheskom apparate issledovaniya* [Perceptual structure of a poetic text: on the question of the terminological apparatus of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2019, no. 447, pp. 47–54 (in Russian).
15. Markova T. N. *Poetika povestvovaniya L. Petrushevskoy* [Poetics of the story of L. Petrushevskaya]. *Russian speech*, 2004, no. 2, pp. 37–44 (in Russian).

Информация об авторе

Криволицкая М. А., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Krivilutskaya M. A., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 24.12.2021; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 24.12.2021; accepted for publication 29.03.2022